

Этическая языковая рефлексия как объект медиалингвистического исследования

Е. Н. Басовская

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Басовская, Е. Н. (2020). Этическая языковая рефлексия как объект медиалингвистического исследования. *Медиалингвистика*, 7 (3), 293–302.

<https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.302>

Статья посвящена анализу одного из аспектов современного медиатекста — лингвоэтической авторской рефлексии. На материале журнала «Огонек» 1916–2019 гг. рассматривается использование конструкций «прошу прощения за...» и «простите за...» в качестве рефлексивов, или форм признания «речевой вины». Установлено, что лингвоэтическая рефлексия нехарактерна для советского публицистического текста. Активизация приема происходит в постсоветский период и достигает пика частотности в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Данные показатели подтверждают тезис специалистов по лингвоэкологии о нарастающей дисгармонизации публичного вербального общения в начале XXI в. Исследователем проведена классификация рефлексивов по ряду критериев: расположению в тексте (в монологе журналиста, эксперта, в репликах интервьюера и интервьюируемого лица, в публикуемом журналом открытом письме), степени сложности, предмету рефлексии и прагматической установке. Продемонстрировано различие между простыми и аналитическими рефлексивами. Выявлены важнейшие объекты речевой самокритики, такие как неблагопристойность, вульгарность, жаргон, резкость тона, банальность, патетика, каламбур, тавтология, словесная неточность или оговорка. Отмечается, что авторская лингвистическая самокритика в медиатексте может служить средством снятия речевой агрессии и способствовать гармонизации общения журналиста с аудиторией. Нередки и случаи иронического использования речевых формул, содержащих псевдоизвинение за сказанное. Общим для обоих вариантов применения рефлексивов служит выполняемая ими функция диалогизации медиаречи, повышения уровня ее адресованности и активизации потенциального адресата, включения его в медиакоммуникационное пространство. Отмечается важность дальнейшего изучения содержания и форм этической языковой рефлексии в рамках современной медиалингвистики.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, лингвоэтическая рефлексия, рефлексив, диалогизация.

Постановка проблемы. Медиалингвистика, будучи одной из новейших, активно развивающихся в последние десятилетия языковедческих дисциплин, не может находиться вне общей антропоцентрической парадигмы, характеризующей современную гуманитаристику. По справедливому замечанию Д. И. Иванова и Д. Л. Лакербая, «антропологизм в лингвистике — это опора на те начала в языке (коллективные и индивидуальные), которые несут печать субъекта речевой деятельности, а не только обезличенной языковой системы» [Иванов, Лакербай 2016:

82]. Соответственно и изучение текстов СМИ неотделимо от интереса к различным аспектам личности автора, среди которых важное место занимает лингвоэтическая рефлексия (анализ и оценка этической стороны собственной речи), находящая выражение в специальных метатекстовых средствах, или речевых маркерах.

Изучение содержания и формы рефлексивных замечаний, касающихся этичности и нормативности собственной речи, открывает перспективу для анализа отраженных в средствах массовой информации общественных представлений о «хорошем» и «плохом», «правильном» и «неправильном», «допустимом» и «недопустимом». Таким образом, выбор рефлексивов в качестве предмета научного рассмотрения вполне соответствует общей установке медиалингвистики на исследование не только текстов СМИ, но и — шире — закономерностей функционирования коммуникационной стороны сегодняшнего социума, в частности «социокультурного контекста» функционирования языка [Добросклонская 2008: 36–37].

Актуальность исследования определяется также его включенностью в проблемное поле такого динамично развивающегося направления медиалингвистики, как критика медиаречи. Для данной практически ориентированной области лингвистических изысканий важны как констатация речевых фактов, так и поиск путей гармонизации медиапространства [Добросклонская 2008: 36–37].

История вопроса. Интерес к процессам осмысления лингвистических явлений носителем языка возник в начале XX в. и связан с именами Р. О. Якобсона, постулировавшего наличие у языка метаязыковой функции [Якобсон 1975: 201–202], и Л. В. Щербы, придававшего большое значение самосознанию не только ученого, но и рядового пользователя языка. Именно Л. В. Щерба сформулировал задачу включения в круг внимания исследователей «неудачных высказываний с отметкой “так не говорят”», которые он назвал «отрицательным языковым материалом» [Щерба 1974: 33]. Так была определена — на весьма отдаленную перспективу — задача анализа случаев лингвистической самокритики как отражения по принципу «от противного» социального языкового идеала.

Упомянутые общие положения были в дальнейшем конкретизированы и привели исследователей к мысли о необходимости вычленив из текста специальные вербальные рефлексивные средства. Как указывает А. Вежбицкая, «... комментатором текста может быть и сам автор. Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании» [Вежбицкая 1978: 404]. Рефлексивы служат важными показателями авторского языкового сознания. По словам И. Т. Вепревой, они отражают «ценностную систему языковой личности», ее «мировоззренческие установки» [Вепрева 2005: 8]. Отмечается в научной литературе и существенное влияние металингвистического сознания носителей на развитие языка и общества в целом [Mertz, Yovel 2003: 20].

Наиболее существенной с точки зрения медиалингвистики, обращенной к массовой коммуникации, представляется отмеченная Н. Н. Трошиной прагматическая функция рефлексивов: «... вербализованный метакоммуникативный рефлексив является своего рода посредником между коммуникативными позициями собеседников» [Трошина 2010: 18]. Есть основания предполагать, что названная способность рефлексивов повышает их ценность для медиатекста, всегда ориентированного на активное взаимодействие с аудиторией и обладающего имманентной диалогичностью [Дускаева 2018: 33].

Несмотря на значимость рефлексивов для изучения индивидуального и общественного языкового сознания, анализа тенденций, характеризующих культуру и мораль определенной эпохи, их функционирование в журналистском тексте изучено недостаточно. Редкое исключение представляет собой статья Н. П. Перфильевой, в которой отмечается рефлексивная активность спортивных журналистов. По утверждению автора, работники спортивных СМИ имеют дело с предельно эмоциональной аудиторией и должны «под давлением фактора адресата регулярно осуществлять метаязыковую деятельность и выражать ее в уместном, коммуникативно целесообразном выборе языковых средств и их комментировании с помощью метатекста» [Перфильева 2011: 100]. На наш взгляд, читатели, слушатели и зрители спортивных изданий, радио- и телепрограмм не обладают спецификой восприятия журналистского текста: живую реакцию, как позитивную, так и негативную, могут вызывать публикации на политические, экономические, культурные и иные темы. Мы склонны вслед за Л. Р. Дускаевой отнести повышенный уровень диалогичности к числу универсалий медиатекста [Дускаева 2010: 26]. Отсюда следует и высокая активность рефлексивов, применяемых журналистами в качестве средств не только самоанализа, но и активизации адресата.

Методика исследования. С целью проверки высказанных предположений и моделирования системы функционирования метамаркеров лингвоэтической рефлексии в текстах СМИ было проведено исследование журнала «Огонек» от начала издания до настоящего времени. Рассматривались выпуски 1916, 1940, 1952, 1959, 1965 гг., а также электронный архив издания за 1996 — август 2019 гг. Отбирались и систематизировались микроконтексты, включающие в себя форму «простите» и конструкцию «прошу прощения». Среди них были выделены рефлексивы, содержащие стилистическую и этическую оценку собственной речи (о единстве этической и стилистической оценки высказывания говорит, в частности, В. И. Шаховский [Шаховский 2016: 174–190]). Эти формулы содержат извинение за элемент высказывания, не соответствующий, по мнению автора текста, литературной или этической норме, но тем не менее им использованный.

Анализ материала. Изучение эмпирического материала позволило установить, что лингвоэтическая рефлексия нехарактерна для журналистских текстов «Огонька» дореволюционного и советского периодов. Этикетные формулы извинения встречаются исключительно в речи персонажей художественных произведений, опубликованных в журнале. Так, в рассказе «Родительская любовь», напечатанном в 1940 г., один из героев обращается к собеседнику со словами: «Простите, но вы ... вы соображаете, что вы говорите? Ваш сын хулиганит, а наказывать надо другого?!» (1940. № 24. С. 18). В данном случае звучит извинение за излишнюю прямоту и некоторую стилистическую сниженность.

Второй пример содержится в «Огоньке» 1959 г., где герой рассказа «Ася», молодой профессор, восклицает: «...Вы должны ехать и пробиваться. Иначе вы обидите меня смертно. Да, запомните это! Мне жаль расставаться с вами, но вас ждут люди. О! Простите, если старик говорит высокопарно» (1959. № 11. С. 14). Здесь говорящий считает необходимым извиниться за, возможно, избыточный с точки зрения молодой слушательницы пафос.

Редкие случаи не прямой, авторской, а отраженной, приписанной персонажу лингвоэтической рефлексии весьма показательны. Они соответствуют двум векто-

рам, которые в дальнейшем обнаружатся в речи журналистов, в советский период высказывавшихся уверенно и не демонстрировавших колебаний в выборе слова. В постсоветский период обращение публициста к читателю будет содержать извинение или за грубость, или за безвкусную патетику.

Активизация речевого жанра извинения за сказанное произошла на страницах «Огонька» в 1990-х годах, став отражением ряда культурных и социально-психологических процессов. Отсутствие цензуры и общая установка на речевую раскованность, характерная для раннего постсоветского периода [Костомаров 1994: 33], провоцировали использование в качестве экспрессивов жаргонных, грубых, потенциально оскорбительных слов и выражений. В то же время русская и советская культурная традиция продолжала поддерживать авторскую склонность к самоцензуре или, как минимум, признанию «речевой вины», когда словоупотребление (вульгарное, жаргонное и т. п.) выходит за рамки лингвоэтической нормы [Бессарабова 2011: 54–63, 55–63]. В подобных ситуациях публицист заранее извиняется перед теми, кого его слова могут задеть: «Это было, прошу прощения, черт знает что такое! Без понтов, но так классно!» (1998. № 20. С. 7).

Таблица. Количественный анализ использования рефлексивов «простите» и «прошу прощения» по годам

1996	1	2008	5
1997	4	2009	1
1998	7	2010	3
1999	6	2011	1
2000	4	2012	3
2001	3	2013	4
2002	7	2014	4
2003	6	2015	1
2004	1	2016	2
2005	5	2017	3
2006	5	2018	1
2007	6	2019	2

Небольшое количество вхождений и отсутствие анализа использования синонимичных конструкций не дает возможности сделать окончательные выводы. Тем не менее интересно обратить внимание на снижение частотности лингвоэтических рефлексивов в 2010-х годах по сравнению с концом 1990-х — началом 2000-х (табл.). Это служит косвенным подтверждением неоднократно высказывавшейся как лингвистами, так и представителями общественности мысли о постепенном изменении языкового вкуса российского общества, размывании критериев хорошей речи на фоне общей дисгармонизации публичного вербального

общения, расширении границ допустимого с точки зрения рядового носителя русского языка [Сковородников 2013: 194–222; Чернышова 2018: 86, 97; Шаховский 2016: 175–176].

В ходе исследования была выполнена классификация метатекстовых операторов, встречающихся в публикациях «Огонька», на основании нескольких критериев.

По расположению в тексте рефлексивы делятся на используемые:

- в авторском монологе журналиста: «Ведь красота, она, простите, как зараза. Тоже размножается. И потому мы обречены. Мы будем жить и красиво, и уютно» (2003. № 17. С. 43);
- в вопросе интервьюера: «Ваш недавний поступок — появление в качестве телеведущего — выглядит странно. Зачем? В балете вы премьер, штучный экземпляр, а во “Взгляде”, простите, кордебалет» (2001. № 24. С. 16);
- в ответе интервьюируемого: «То, что мы сделали с документалистикой в России, — почти катастрофа, по-моему. Простите за резкость» (режиссер Виктор Косаковский — о своем фильме «Акварель» и проблемах документального кино) (2018. № 41. С. 34) — или в реплике эксперта: «Страшно утратить какую-то информацию, не донести ее до потомков, простите за пафос, — говорит Ольга Галаничева, — особенно когда мы не знаем ответов на многие вопросы» (2019. № 7. С. 28);
- в открытом письме, обращенном к конкретному лицу или организации: «С юбилеем, Ваше Святейшество. Знаю, что мои писания Вас уже не раз огорчали. Прошу прощения за их резкий тон, в разговоре с Матерью Церковью рискованный» (2000. № 21. С. 9).

По степени сложности рефлексивы подразделяются на простые и аналитические.

Простые содержат только извинение, без комментариев и пояснений: «Богатые и бедные, умные и глупые, толстые и худые, мы по-разному живем и питаемся, но все мы, простите, ходим в туалет» (1997. № 39. С. 9). Автор в подобных случаях рассчитывает на этические принципы и языковой вкус аудитории, предполагаемые по умолчанию (так, в приличном обществе не принято публично говорить о естественных отправлениях и обо всем, что относится к данной сфере, поэтому за упоминание о туалете следует извиниться).

Аналитические рефлексивы содержат прямое обозначение «вида речевой вины» («грубость», «пошлость», «банальность» и т. п.) и иногда дополнительные авторские комментарии: «А стало быть, москвичи и, простите за пафос, гости столицы, теперь каждое лето будут лицезреть на улицах целые плеяды звезд как российский, так и мирового кинематографа (1999. № 22. С. 3); «В вашей жизни очень долго ничего не предвещало ни современного искусства, ни гендерных (простите за неприлично звучащее слово) проблем» (2002. № 9. С. 15); «Вся эта пластинка собачников, простите за тавтологию, чушь собачья. И воспитанный стаффорд может покусать, как висящее на стене ружье — выстрелить» (2002. № 33. С. 16); «...тогда Пелевин писал “Generation П” или “Священную книгу оборотня”, он имел дело с вещами определяющими и, простите за неологизм, временобразующими» (2007. № 26. С. 14); «История СССР и Америки — в самом деле история “близнецов”, простите за невольный каламбур. Как известно, 11 сентября вторая башня рухнула через сорок минут после первой» (2007. № 40. С. 7).

По предмету рефлексии различаются высказывания, в которых автор просит прощения:

- за неблагопристойность, вульгарность, жаргон: «Через короткое время мы получаем государство, подобное Афганистану. Такой своеобразный «гадюшник» (прошу прощения за лексику), снабжающий весь мир дешевым героином и хорошо подготовленными бандгруппами» (2002. № 49. С. 4); «За что простил Христос женщину, взятую в прелюбодеянии? За то, что она “возлюбила много”. Ага! Это значит, что она всем “давала” (простите) по любви...» (2009. № 9. С. 10);
- негативную оценку какого-либо явления и допущенные при этом категоричность и резкий тон: «Ничто не забыто... ни один из драгоценных эпизодов, бесхозяйственно разбросанных по — простите — бросовым кинолентам...» (1997. № 9. С. 7); «Страна, претендующая на модернизацию, с закрепощенным жильем населением — это, простите, нонсенс» (2013. № 3. С. 12);
- пафос, высокопарность, банальность: «И вот он — момент истины (простите за выражение). Кто врет? Прокурор или адвокат? Подсудимый или судья?» (2005. № 23. С. 12); «Чем шире кругозор, тем больше вероятности, что удастся осуществить то, что в проекте названо, простите за выражение, “формированием искренней любви к Отечеству”» (2014. № 26. С. 38);
- каламбур: «Редко, но бывает, что... театр ютится в “табакерке” (простите за *каламбур*, но студия Табакова — лучший тому пример), но все равно творчество там фонтанирует, публика ломится» (1999. № 38. С. 8); «Вообще, по мнению экспертов, из-за космической (простите за *каламбур*) стоимости орбиты во всем мире сейчас все чаще строят спутники двойного назначения ...» (2017. № 38. С. 26);
- тавтологию: «И вот тут мы вспомнили про память страха. И поняли, что нам это страшно интересно, простите за *тавтологию*» (2006. № 3. С. 16); «С необходимостью сноса “понастроенного тут” соглашаются чиновники, еще недавно, простите за *тавтологию*, сами согласовывавшие подобные решения» (2010. № 46. С. 14);
- оговорку, неточное слово: «Что же там, в этом законе такого, что даже “яблочников” ввергло в состояние буриданово-ослиного отупения и легкой просра... простите, прострации?» (1998. № 18. С. 5); «Смех в том, что этих крупных казино, то есть, простите, культурно-развлекательных комплексов, в области всего два» (2007. № 32. С. 6).

В последних двух примерах автор, вне всякого сомнения, намеренно «оговаривается» или «проговаривается». Журнальная публикация не содержит спонтанных высказываний, и при желании так называемые «ошибки» можно было бы устранить — в действительности же они служат средством иронии и сарказма: публицист намекает на возможные цензурные трудности при обозначении негативных социальных явлений. Оттолкнувшись от микроконтекстов такого типа, мы классифицировали рефлексивы по прагматической установке, разделив их на средства потенциальной гармонизации общения с аудиторией, с одной стороны, и средства иронизации стиля — с другой.

Применяя к текстам СМИ предложенное Т.В.Чернышовой понятие «конструктивного (гармонизирующего) диалога с читателем» [Чернышова 2018: 88], мы

считаем необходимым выявить конкретные тактики, делающие возможным такой тип публичной коммуникации. К их числу принадлежат гармонизирующие рефлексивы, которые отражают авторскую установку на вежливое общение, снятие речевой агрессии и демонстрацию уважения к адресату, а также отдельным людям и представителям тех или иных социальных групп: «А вторая беда, что эти скоты (простите, но это самое мягкое, как я могу их назвать) чувствуют себя безнаказанными» (2008. № 8. С. 35); «Увы, и выдающемуся Лимонову, и не менее выдающемуся Холмогорову в скором времени потребуется пенсия. А затем, прошу прощения, очень может быть, и место в больнице. А в конце концов, еще раз прошу прощения, два квадратных метра на кладбище» (2010. № 42. С. 21); «...врачебное сообщество ...прислало всем нож к горлу и принудило платить налом. Прошу прощения за резкость у коллег по первой профессии, но трудно отрицать очевидное» (2003. № 23. С. 4). Подобное речевое поведение авторов журнальных публикаций следует признать лингвоэкологичным. По справедливому замечанию С. А. Актугановой, «экологичная коммуникация реализуется при соблюдении правильной тональности общения, норм этики, речевого этикета, стремлении участников интеракции к коммуникативному успеху, вежливости, взаимопониманию» [Актуганова 2019: 28]. Использование самокритичных метатекстовых операторов относится к числу эффективных приемов обеспечения доброжелательной коммуникации и социального миролюбия в целом.

Иронизирующие рефлексивы представляют собой псевдоизвинение, звучат саркастически и становятся, одной из форм речевой агрессии: «Дела шли хорошо, разного рода бизнес процветал, соответственно, процветали, простите за ненормативное звуко сочетание, бизнесмены» (2000. № 19. С. 18). Автор цитируемой публикации — писатель Юз Алешковский — использует форму извинения для того, чтобы выразить скептическое отношение к раннему постсоветскому «бизнесу», а возможно, и к модному заимствованному слову. В другом номере «Огонька» опубликовано письмо читателя, задающего риторические вопросы: «Не представляю, что еще можно добавить к такому цельному явлению, как “Ирония судьбы”?! Разве что испортить. Или лавры “Позоров”, простите, “Дозоров” спать не дают?» (2006. № 45. С. 9). Мнимая оговорка дает пишущему возможность подчеркнуть и семантизировать созвучие слов *дозор* и *позор* и сигнализировать таким способом о крайне негативном отношении к популярным фильмам «Ночной дозор» и «Дневной дозор».

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, касающихся современной медиакоммуникации. Одной из точек отсчета языковой рефлексии журналиста является система принятых в данном обществе в определенный исторический период правил — лингвоэтическая норма. Поскольку весь комплекс таких правил никогда не был полно и однозначно сформулирован, публицист в своих рефлексивных высказываниях опирается на собственную интуицию и гипотетический образ адресата. Можно предположить, что существует корреляция между точностью этого образа и эффективностью медиатекста.

Установлено также, что признание «речевой вины» есть многофункциональный коммуникативный ход. С одной стороны, искреннее извинение за нарушение нормы служит гармонизирующим коммуникативным приемом, с другой — псевдопокаяние используется журналистом как одна из форм речевой агрессии. При

этом и искреннее, и саркастическое извинение являются средствами диалогизации медиатекста. Вне зависимости от прагматической направленности регулярно применяемый прием извинения за сказанное способствует созданию особой коммуникативной атмосферы: слова журналиста не претендуют ни на содержательную истинность, ни на формальную безупречность. Текст открыт для анализа, критики, что порождает и поддерживает принципиальную диалогичность современного медийного пространства. С этой точки зрения дальнейшее изучение средств и приемов лингвоэтической рефлексии в СМИ представляет значительный интерес для медиалингвистики.

Литература

- Акутанова, С. А. (2019). Вежливость и невежливость как основные категории лингвоэкологии. В *Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: актуальные проблемы и перспективы*. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (с. 25–30). Орел: Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.
- Бессарабова, Н. Д. (2011). Лингвоэтика, или Еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы. *Журналистика и культура русской речи*, 1, 54–63; 2, 55–63.
- Вежицкая, А. (1978). Метатекст в тексте. *Новое в зарубежной лингвистике*, 8, 402–421.
- Вепрева, И. Т. (2005). *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-Пресс.
- Добросклонская, Т. Г. (2008). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. Москва: Флинта; Наука.
- Дускаева, Л. Р. (2010). Диалог с читателем в районной газете: жанрово-стилистические черты. *Журналистика и культура русской речи*, 2, 25–35.
- Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2018). *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*. Москва: Флинта.
- Иванов, Д. И., Лакербай, Д. Л. (2016). Антропоцентрическая парадигма и лингвоориентированная гуманитарная теория. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11–2 (65), 81–86.
- Костомаров, В. Г. (1994). *Языковой вкус эпохи*. Москва: Педагогика-Пресс.
- Перфильева, Н. П. (2011). Диалог со словом как коммуникативная стратегия (на материале газетных текстов спортивной тематики). *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология*, 10, 6, 99–106.
- Сквородников, А. П. (2013). О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 194–222.
- Трошина, Н. Н. (2010). *Культура языка и языковая рефлексия. Аналитический обзор*. Москва: РАН; ИНИОН.
- Чернышова, Т. В. (2018). Композиционно-стилистические средства гармонизации текстов публицистического дискурса: в поисках утраченного диалога. *Филология и человек*, 2, 84–98.
- Шаховский, В. И. (2016). *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л.
- Щерба, Л. В. (1974). О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. В *Языковая система и речевая деятельность* (с. 24–39). Ленинград: Наука.
- Яacobсон, Р. О. (1975). Лингвистика и поэтика. Пер. с англ. И. А. Мельчука. В *Структурализм: за и против* (с. 193–230). Москва: Прогресс.
- Mertz, E., Yovel, J. (2003). Metalinguistic awareness. *The handbook of pragmatics*. Электронный ресурс <http://law.haifa.ac.il/images/Publications/SSRN-id950741.pdf>.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2020 г.;
рекомендована в печать 18 апреля 2020 г.

Контактная информация:

Басовская Евгения Наумовна — д-р филол. наук, доц.; jeni_ba@mail.ru

Ethical language reflection as an object of mediallyinguistic research

E. N. Basovskaya

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Basovskaya E. N. (2020). Ethical language reflection as an object of mediallyinguistic research. *Media Linguistics*, 7 (3), 293–302. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.302> (In Russian)

The article analyzes one of the aspects of contemporary media-text — the author's linguistic reflection. Using the material of the magazine "Ogonek" 1916–2019, the author explores the use of the constructions "I apologize for..." and "sorry for..." as reflexives or forms of admission of "speech guilt". The author establishes that the linguistic-ethical reflection is not typical for Soviet journalistic texts. Activation of this method occurs in the post-Soviet period and reaches a peak frequency in the late 1990s — early 2000s. These indicators confirm the thesis of specialists in linguistic ecology concerning the growing public disharmony of verbal Russian communication in the beginning of the XXI century. The author conducts a classification of reflexives on several criteria: location in the text (in the monologue of a journalist, an expert, in replicas of the interviewer and the interviewed person, and in the open letter published by a magazine), the degree of complexity, the subject of reflection, and the pragmatic attitude. The author of the article demonstrates the difference between simple and analytical reflexives and identifies the most important objects of speech self-criticism, such as obscenity, vulgarity, slang, harsh tone, triviality, pathos, puns, tautology, verbal inaccuracy or a slip of the tongue. The article notes that the author's linguistic self-criticism in the media text can serve as a means of removing speech aggression and contribute to the harmonization of communication between the journalist and the audience. There are also frequent cases of ironic use of speech formulas containing a pseudo-apology for what was said. Common to both applications of reflexives is that they perform a function of raising the level of dialogue in media text, specify its target, activate the potential addressee, and include the audience into media communication space. The author notes the importance of further study of the content and forms of ethical language reflection in the framework of modern media linguistics.

Keywords: media linguistics, media text, linguistic reflection, reflexive, intensification of dialogue.

References

- Aktuganova, S. A. (2019). Politeness and impoliteness as the basic categories of linguistic ecology. In *Lingvistika, perevodovedenie i metodika obucheniia inostrannym iazykam: aktual'nye problemy i perspektivy*. Sbornik materialov I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (pp. 25–30). Orel: Orel State Univ. im. I. S. Turgeneva Publ. (In Russian)
- Bessarabova, N. D. (2011). Linguistic ethics, or once again about the ethical aspect of speech culture of modern media and advertising. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi*, 1, 54–63; 2, 55–63. (In Russian)
- Chernyshova, T. V. (2018). Compositional and stylistic means of harmonizing texts of publicistic discourse: in search of the lost dialogue. *Filologiya i chelovek*, 2, 84–98. (In Russian)
- Dobrosklonskaia, T. G. (2008). *Media linguistics: a systematic approach to the study of media language*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2010). Dialogue with the reader in the district newspaper: genre and stylistic features. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi*, 2, 25–35. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (Ed.). (2018). *Media linguistics in terms and concepts: Dictionary-reference*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Iakobson, R. O. (1975). Linguistics and poetics. Transl. from English by I. A. Mel'chuk. In *Strukturalizm: za i protiv* (pp. 193–230). Moscow: Progress Publ. (In Russian)
- Ivanov, D. I., Lakerbai, D. L. (2016). The anthropocentric paradigm and languageinterface humanitarian theory. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11–2 (65), 81–86. (In Russian)

- Kostomarov, V. G. (1994). *Language taste of the era*. Moscow: Pedagogika-Press Publ. (In Russian)
- Mertz, E., Yovel, J. (2003). Metalinguistic awareness. *The handbook of pragmatics*. Retrived from <http://law.haifa.ac.il/images/Publications/SSRN-id950741.pdf>.
- Perfil'eva, N. P. (2011). Dialogue with the word as a communicative strategy (by the material of newspaper texts of sports subjects). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriiia, Filologiya*, 10, 6, 99–106. (In Russian)
- Shcherba, L. V. (1974). On the threefold aspect of linguistic phenomena and experiment in linguistics. In *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* (pp. 24–39). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Shakhovskii, V. I. (2016). *Dissonance of ecology in the communicative circle: person, language, emotions*. Volgograd: IP Polikarpov I. L. Publ. (In Russian)
- Skovorodnikov, A. P. (2013). On the subject of linguistics in relation to the state of the modern Russian language. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika*, 1, 194–222. (In Russian)
- Troshina, N. N. (2010). *Culture of language and language reflection. Analytical review*. Moscow: RAN; INION Publ. (In Russian)
- Vepreva, I. T. (2005). *Language reflection in the post-Soviet era*. Moscow: OLMA-Press Publ. (In Russian)
- Vezhbitska, A. (1978). Metatext in the text. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 8, 402–421. (In Russian)

Received: February 24, 2020

Accepted: April 18, 2020

Author's information:

Evgeniya N. Basovskaya — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; jeni_ba@mail.ru